

В тот день он получил секретное донесение от тайных стражей: Правый канцлер при смерти и впал в беспамятство.

Получив этот доклад, Лэн Чэнь пришел в смятение. В его сердце не было ни капли радости от того, что влияние императора ослабевает. Напротив, его терзала тревога: Хуа Юйтан так предан отцу, как же он перенесет весть о том, что тому осталось недолго? Опомнившись, Лэн Чэнь уже вовсю использовал технику легких шагов, спеша в резиденцию маркиза.

Лэн Чэнь не знал, откуда в его холодном, как лед, сердце взялась эта жалость, да и не хотел знать.

Он медленно подошел и осторожно опустил ладонь на подрагивающую спину Хуа Юйтана. Он открыл рот, чтобы произнести слова утешения, но они словно застряли в горле — из груди вырвался лишь тяжелый вздох.

— Не убивайся так, — хрипло произнес Лэн Чэнь, совершенно не похожий на того красноречивого оратора, что блистал при дворе.

Хуа Юйтан резко открыл глаза. Омытые слезами, они казались невероятно чистыми, но в их глубине, лишенной всякой тени, отражалась скорбь всего мира. Сердце Лэн Чэня дрогнуло, и он невольно притянул юношу к себе.

Хуа Юйтан уткнулся ему в грудь, вцепившись тонкими пальцами в узкую талию Лэн Чэня, и зарыдал в голос.

Лэн Чэнь не видел, сколько нежности и волнения отразилось в его собственном взгляде, не осознавал, насколько глубокие и сильные чувства проступили на его лице. Он знал лишь одно: он хочет, чтобы человек в его объятиях всегда улыбался, оставаясь вдали от боли и печали.

— Юйтан, мое настоящее имя — Лэн Чэнь, второе имя — Цзышу. Поступай ко мне на службу в резиденцию маркиза. Пока я рядом, никто не посмеет смотреть на тебя свысока или обидеть.

Никто больше не заставит твои глаза наполняться слезами.

— Пойдем со мной.

Хуа Юйтан поднял голову, в его расширенных глазах еще дрожали не успевшие скатиться слезы. В них читались неприкрытое изумление и испуг. Он попытался высвободиться, съежившись и собираясь поклониться.

— Мар... Маркиз, я...

— Не нужно этого делать. — Горло Лэн Чэня пересохло, сердце пронзила острая боль, словно ядовитые лозы оплели его, сжимая в тисках.

Он понимал, что его статус станет непреодолимой пропастью между ними. Он был готов к этому, но не ожидал, что этот день настанет так скоро и что ему будет — так больно.

— Я вырос в глубине дворца, среди тьмы и интриг. Благодаря титулу маркиза я обладаю богатством и властью, я второй человек после государя, но... ты единственный настоящий друг, которого я выбрал сам. Неужели теперь даже ты хочешь уйти от меня из-за моего положения? — На лице Лэн Чэня отразилась неприкрытая мука. Его лицо, обычно беззаботное и насмешливое, сейчас казалось пугающе уязвимым.

— Нет... это не так! — Хуа Юйтан, не заботясь о слезах, торопливо замотал головой. — Я искренне считаю вас своим другом!

— Тогда зови меня Цзышу.

— Ох! — Хуа Юйтан жалобно икнул от слез. — Но...

— Эх, я так и знал, — Лэн Чэнь выглядел глубоко разочарованным. — Говоришь, что считаешь меня другом, а даже по имени назвать не хочешь. Эх...

— Ох! — Хуа Юйтан поспешно затряс головой. — Я... я согласен! Ох!

Лэн Чэнь заворуженно следил за тем, как приоткрываются и смыкаются алые губы юноши.

— Цзы... Цзышу.

Лэн Чэнь не выдержал и прижал к себе юношу, который с покрасневшими кроличьими глазами, продолжая икать, так искренне произнес его имя. Казалось, он обнял весь мир.

Юноша, спрятавшийся на груди у Лэн Чэня, не видел на его лице довольной, лукавой улыбки.

Вечный ветер, миг счастья — в это мгновение время замерло навсегда.

Девятый год правления Юнцзи, восьмой месяц, ночь.

Кабинет в резиденции маркиза.

Фитиль свечи потрескивал, и этот звук казался неестественно громким в ночной тишине. Колеблющийся желтоватый свет отбрасывал на бумажные окна длинную фигуру мужчины, отсекая его от густой тьмы снаружи.

Лэн Чэнь подпер голову рукой, его волосы, черные как тушь, рассыпались по плечам. На столе лежала пожелтевшая книга. Лэн Чэнь осторожно касался страниц длинными изящными пальцами, выглядя при этом настолько сосредоточенным, будто весь суетный мир и поток времени остались далеко за пределами его убежища.

Тайный страж, слившийся с тенями, едва заметно дернул уголком рта: хозяин застыл в этой позе уже целый час, не перевернув ни страницы, и время от времени на его лице появлялась глуповатая улыбка.

Я словно узнал то, чего знать не следовало.

А Лэн Чэнь, сидевший за столом, пребывал в прекрасном расположении духа.

Три дня назад Правый канцлер скончался. Важная фигура в рядах сторонников императора пала, партизанская партия понесла тяжелый урон. Хотя вид Хуа Юйтана, убитого горем у гроба отца, заставлял сердце Лэн Чэня сжиматься от боли, внутри него зрело тайное удовлетворение: Хуа Юйтан будет служить ему, скоро он станет принадлежать только ему.

В тени глаз тайного стража дернулся: хозяин снова глупо улыбается...

Хозяин, куда подевался ваш холодный, жестокий образ злодея? Как быть, если ваш имидж постоянно рушится? Срочно, жду ответа!

Вдруг тень бесшумно скользнула внутрь, становясь еще призрачнее в тусклом свете свечей.

— Говори, — раздался ленивый голос Лэн Чэня.

— Хозяин, император издал указ... он призывает Хуа Юйтана во дворец для сопровождения государя.

Воздух словно застыл.

Лицо Лэн Чэня стало страшным. В его темных зрачках пылал глубокий гнев. Вся мягкость и насмешливость, которую он проявлял рядом с Хуа Юйтаном, исчезли без следа. Огромное давление заставило тайного стража, стоявшего на коленях, покрыться холодным потом.

— Он думает, я не знаю о его грязных помыслах!

— Посмел покуситься на моего человека...

Подождите, когда это он успел незаметно для самого себя занести юношу в свой круг защиты? Лэн Чэнь замолчал, молча спрашивая себя: почему, как только кто-то бросает жадный взгляд на этого юношу, он теряет контроль над своим гневом? Для такого хладнокровного человека, как он, простого восхищения талантом было уже недостаточно, чтобы объяснить это.

Лэн Чэнь закрыл лицо руками и тихо рассмеялся. Вот оно что, вот оно что!

Но только он осознал свои чувства, как этого юношу собираются у него отнять?

Он не позволит. Он ни за что не позволит!

В глазах Лэн Чэня вспыхнула жажда крови.

Раз так, я больше не буду вспоминать о старой дружбе, Ваше Величество.

Из его горла вырвался низкий голос:

— Скрытый седьмой, созывай тайный отряд.

Северный сад резиденции Правого канцлера.

В ушах Чжоу Бая раздался металлический звон.

— Дзинь! Миссия по мести Правому канцлеру (отравление) выполнена. Награда: 200 очков.

— Дзинь! Стратегия покорения Лэн Чэня выполнена. Награда: 1000 очков.

— Дзинь! Прогресс в копии резиденции Правого канцлера завершен. Открыта копия Императорского дворца. Прошу носителя подготовиться.

Чжоу Бай полулежал в кресле, на его прекрасном лице играла невинная улыбка, но глаза были темными и непостижимыми. Он изогнул губы в порочной, соблазнительной усмешке — словно распустившийся цветок хиганбаны, пропитанный жаждой крови.

Девятый год правления Юнцзи, восьмой месяц, день жэнь-инь.

Большая дорога.

Ночь была темной, как вода, мрак клубился тяжелыми красками. В высоком небе не было ни луны, ни звезд — лишь несколько точек холодно мерцали в отдалении.

Прямая дорога из синего камня уходила вдаль, в ночи она казалась окутанной легким голубоватым маревом.

Дальше на север от этой дороги находились Ворота Чжуцюэ. Если войти в них и повернуть на запад, можно было найти боковую калитку, а за ней — центр империи, дворец государства Яньцин.

Огни дворца мерцали в темноте, то появляясь, то исчезая, что делало пустынную дорогу еще более безмолвной.

Вдруг тишину нарушил топот ног. Послышался шорох, и в ночи показался маленький паланкин с синим пологом, который несли четверо людей. Они спешно направлялись на север.

У ворот Чжуцюэ раздался шепот, затем звон металла, скрежет цепей и скрип открывающихся тяжелых створок.

В бескрайней ночи паланкин и звуки шагов постепенно удалились. На дороге снова воцарилась тишина.

Дворец Ганьдэ.

Ночь становилась все глубже. Во дворце Ганьдэ давно зажгли светильники. Молодой евнух на цыпочках вошел в главный зал, осторожно приподнял шелковый абажур, чтобы поправить фитиль, и так же тихо отступил назад.

В тусклом свете мужчина внимательно просматривал доклады. На нем не было парадного желтого халата с девятью драконами — только простая домашняя одежда. Из-за летней жары его белое исподнее было очень тонким и плотно прилегало к телу, подчеркивая рельеф мышц на груди.

Императору было всего тридцать, он находился в расцвете сил. Его черные брови были слегка нахмурены, а в чертах лица читалось природное величие. Колеблющийся свет свечей отбрасывал тени на его холодное лицо, которое на три части напоминало Лэн Чэня, словно покрытое льдом.

Двери дворца бесшумно открылись. Старший евнух подошел ближе, что-то прошептал императору на ухо, а затем, почтительно опустив глаза, отступил в сторону.

Император встал, поправил полы халата и вышел.

Его холодный, как вековые льды, голос произнес:

— Идем во дворец Чжунцуй.

Снаружи раздался пронзительный голос евнуха:

— Выезжаем! — эхо этих слов растворилось в ночи вместе с мерным шагом носильщиков.

Лэн Юй сидел в паланкине, подперев щеку рукой.

С тех пор как три месяца назад он увидел Хуа Юйтана на банкете, это прекрасное лицо не выходило у него из головы. Он никогда не был человеком, одержимым желаниями, и не интересовался фаворитами, но стоило ему вспомнить Хуа Юйтана, как его начинало бросать в жар. Ему хотелось прижать это белоснежное, безупречное тело к себе и как следует... [Пи-и-и]. С тех пор как эта мысль поселилась в его голове, даже любимая наложница Цзин не могла вызвать в нем прежнего влечения.

Лэн Юй сглотнул, в его черных зрачках разгорелся глубокий огонь.

Раз не можешь отпустить — просто забери.

Через четверть часа они прибыли во дворец Чжунцуй. Изящная черепица, вздернутые крыши — здесь чувствовался сдержанный, но изысканный имперский стиль.

Лэн Юй взмахнул рукой, останавливая евнухов и стражу. Он широким шагом вошел внутрь.

Две старшие служанки, стоявшие у входа, поспешно закрыли двери.

Войдя в зал, Лэн Юй оглядел обновленное убранство. На столе из сандалового дерева стояли драгоценные сосуды, на стенах висели свитки с каллиграфией знаменитых мастеров, а под ними красовались фарфоровые чаши. Было видно, что всё готовили с особой тщательностью. Лэн Юй медленно вошел во внутренние покои, и его взору предстала огромная кровать.

Дерево хуанхуали, резные столбы с драконами, играющими с жемчужиной. Сквозь слои тончайшего голубого шелка проглядывали нефритовые подушки и шелковые одеяла.

Но больше всего внимание привлекал юноша на кровати. Его лицо, залитое слезами, выражало

ужас. Черные волосы, лишенные украшений, рассыпались по постели, словно причудливый узор. Его кожа была бледной и прозрачной, как нефрит. С кожей изо льда, костями из нефрита и душой из ароматов, он был прекрасен, как картина, и этот вид лишал рассудка.

Глаза Лэн Юя потемнели, его охватило пламя страсти. Он нетерпеливо подошел, схватил Хуа Юйтана за острый подбородок и с хищным блеском в глазах принялся изучать его лицо.

— Развлеки меня как следует.

На заплаканном, жалком лице Хуа Юйтана вдруг появилась соблазнительная улыбка. Он прошептал:

— Хорошо~

Император, пораженный этой переменной, почувствовал опасность. Он попытался применить внутреннюю силу, но обнаружил, что его дантянь словно заблокирован. Тело обмякло, и он рухнул на пол. Лицо Лэн Юя исказилось от ужаса:

— Ты не Хуа Юйтан.

Хуа Юйтан закусил губу, улыбнувшись невинно и застенчиво:

— Как я могу быть не Хуа Юйтаном?

Он облизнул кончик пальца, прищурил длинные глаза, и на его алых, дразнящих губах заиграла опасная, злая усмешка.

— Твое отношение меня очень расстроило. И этот паланкин, и этот дворец наложницы. — Хуа Юйтан нахмурил брови, и его ресницы дрогнули, изображая невинное замешательство. — Я не люблю, когда меня расстраивают.

— Поэтому теперь ты должен сделать так, чтобы я остался доволен~

Хуа Юйтан лукаво улыбнулся.

#Свет гаснет#

В последнее время атмосфера в государстве Яньцин была гнетущей. Обеспокоенные чиновники подали сотни докладов, но те словно канули в воду. Маркиз перебил неисчислимое количество чашек, слуги в его резиденции ходили как на похоронах. Фарфор в покоях наложницы Цзин

сменялся один за другим. Над дворцом Цынин вдовствующей императрицы тоже сгустились тучи. С тех пор как император забрал Хуа Юйтана, он уже месяц не появлялся на утренних аудиенциях.

Он даже не выходил из дворца Чжунцуй, предаваясь ночным утехам с первой красавицей страны. Лишь еда и вода для купания регулярно доставлялись внутрь.

Вся страна была в отчаянии из-за своего прежде мудрого правителя и скрежетала зубами на «гибельную красавицу». Описание «дни короче, ночи длиннее, государь не выходит к утренним докладам» стало реальностью для императора Яньцина. Вернее, он их вовсе забросил.

Во дворце Чжунцуй.

Чжоу Бай удовлетворенно прищурился, от него веяло ленивой негой после любовных утех. Эта бурная разрядка смыла всю накопившуюся в этом мире усталость.

Он наклонился, разглядывая лежащего без чувств императора. Его крепкое тело было покрыто синяками, следами укусов и отпечатками пальцев. Стройные ноги почти не могли сомкнуться, а на прекрасном холодном лице застыли слезы. Тонкие губы были искусаны до крови. Чжоу Бай провел пальцами по влажной коже императора, с удовлетворением слушая его бессознательные стоны.

На самом деле, всё шло в точности по сюжету, не так ли? Месяц ночных развлечений.

Только вот роли поменялись местами. Улыбка Чжоу Бая стала еще шире.

Теперь пора переходить к следующей части сюжета.

Наложница Цзин, вдовствующая императрица, надеюсь, вы готовы.

Чжоу Бай улыбался еще ярче, но в этой улыбке не было ни капли тепла.

Императорский сад.

Яркие цветы источали аромат, плакучие ивы у озера мягко покачивались на ветру. Гладь воды, как зеркало, отражала небо и зелень.

Извилистая тропинка из гальки огибала берег. Под ивами сидел юноша в простой одежде, свернувшись калачиком и спрятав лицо в коленях, он дрожал от рыданий.

Вдруг мелькнула тень. Неизвестный ловко ударил юношу по шее, быстро подхватил обмякшее тело и исчез, словно растворившись в воздухе.

Поверхность озера по-прежнему едва заметно колыхалась.

<http://bllate.org/book/19863/1955352>